

УДК 94(3)

**К ВОПРОСУ О СВАДЕБНОЙ ЦЕРЕМОНИИ В ПИСЬМАХ СИДОНИЯ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РИТУАЛА****ON THE ISSUE OF THE NUPTIAL CEREMONY IN THE SIDONIUS' LETTERS:
SOME ASPECTS OF THE RITE****Е.В. Литовченко
E.V. Litovchenko***Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85,**Belgorod National Research University,
85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia**e-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru*

Аннотация. Данная статья посвящена анализу некоторых аспектов свадебного ритуала в позднеантичный период на материале сочинений галло-римского аристократа и епископа Сидония Аполлинария. В качестве таковых мы рассматриваем призывы к Талассию в контексте распевания фесценнинских песен, участие пронубы и ее традиционное одеяние, цветочный венок жениха и его символическое значение, одежду и внешний облик жениха, и роль Венеры в свадебном обряде. Цель исследования – определить степень консервации классической античной традиции и проникновения христианских элементов в брачный обряд интересующего нас периода. Автор приходит к выводу о том, что брачный ритуал в освещении Сидония демонстрирует нам вполне сохранившуюся языческую традицию празднования помолвки или женитьбы во второй половине V в. н.э., а элементы христианского культа еще не просматриваются в свадебном обряде, по крайней мере, в кругу представителей позднеантичного нобилитета Галлии.

References. This paper deals with the analysis of some aspects of nuptial ritual in the Late Antiquity based on Gallo-Roman nobleman and bishop Sidonius Apollinaris' works. The appeals to Talassio in the context of Fescennines songs, the participation of pronuba and her traditional dress, the groom's garland and its symbolic meaning, the bridegroom's garment and his visage, the role of Venus during the wedding are considered in the capacity of these aspects. The aim of this research is to define the degree of Classical tradition conservation and penetration of Christianity in the nuptial ceremony in the Fifth century A.D. The author is coming to a conclusion that the betrothal or conjugal rite describing by Sidonius preserved the pagan tradition in the second half of Fifth century. The elements of Christian worship were absent in this ceremony, at least in the circle of Late Antique Gaul aristocracy.

Ключевые слова: Поздняя Античность, помолвка, свадебная процессия, галло-римская элита, Сидоний Аполлинарий.

Key words: Late Antiquity, betrothal, nuptial ceremony, Gallo-Roman elite, Sidonius Apollinaris.

Повседневная жизнь в различные исторические эпохи является тем фоном, который позволяет в полной мере понять специфику менталитета конкретного общества или социальной группы. Важную роль в быту играют такие устоявшиеся формы внешнего выражения человеческих предствлений и взаимоотношений как обряды и ритуалы, являющиеся неотъемлемой частью жизни общества на протяжении всей его истории. Ритуалы как определенного рода действия (часто носящие сакральный характер) призваны акцентировать внимание на каком-либо событии или явлении, и, связанные с конкретным набором эмоциональных состояний, проявляющихся в зависимости от характера происходящего, сопровождают жизнь человека на всем ее протяжении: рождение ребенка, вступление во взрослую жизнь (инициация), создание семьи, смерть. Обрядовые действия, связанные с данными моментами, с одной стороны, вносят разнообразие в каждодневную рутину, поскольку, все же, символизируют экстраординарные события, с другой, придают определенную стабильность, позволяющую человеку чувствовать уверенность в привычном ходе бытия.

Современная европейская цивилизация унаследовала с некоторыми модификациями многочисленные элементы античного жизненного уклада, в том числе, те, которые связаны с оформлением брачного союза. Необходимо отметить, что два этапа, составляющие брачный ритуал - помолвка и свадьба - не утратили своей актуальности и по сей день.

Помолвка в Древнем Риме играла важную роль в заключении брака. Основанием для будущего союза (преимущественно, это касается представителей нобилитета, о которых мы имеем подавляющее большинство свидетельств античных авторов) было слияние богатых и влиятельных семейств для еще

большого упрочения их положения в обществе, поэтому помолвка была своего рода гарантией серьезных намерений. Само латинское слово «*sponsalia*» (помолвка, обручение) является производным от глагола «*spondere*», подразумевающего согласие и взаимные гарантии будущих супругов вступить в брак, как говорил римский юрист Ульпиан: «Согласие – необходимое условие для помолвки» (Dig. 23. I. 2). Для того, чтобы помолвка считалась состоявшейся, достаточно было выраженного вслух обоюдного согласия, при этом слово невесты чаще всего не требовалось, вместо нее говорил отец, что неудивительно, учитывая власть и права отца семейства («*pater familias*») в Древнем Риме. Самые ранние примеры помолвочной устной формулы сохранились в комедиях Плавта, где потенциальный жених спрашивает отца или опекуна девушки: «*Spondesne?*» («Ручаешься?»), а тот отвечает: «*Spondeo*» («Ручаюсь!») (Plaut. Poen. 1155-1157, также Trin. 502-504)².

Что касается непосредственно церемонии помолвки, то, по словам, американского историка Карен Херш: «Сохранившиеся античные свидетельства весьма редкие, неясные и неполные»³, но, по крайней мере, очевидно, что для богатых римлян проведение праздника по поводу помолвки было обязательным⁴.

В настоящей статье мы не ставим себе целью осветить все детали римской помолвки и свадебной церемонии, поскольку в фокусе исследования находятся послания позднеантичного литератора Сидония Аполлинария (430-485 гг.), в которых торжественные процессии упоминаются в контексте других событий, имеющих для автора большее значение. Однако мы не можем обойти вниманием тему брачного ритуала, и, в особенности, его динамики, учитывая, что речь идет не о классической, а о поздней античности, подразумевающей некоторые изменения, произошедшие под влиянием ряда причин. Безусловно, невозможно игнорировать такие важные факторы, определившие «лицо» позднеантичного Средиземноморского мира, как наличие варварского элемента и распространение христианства и, если варвары интересуют нас в данном случае лишь в той степени, в какой они ощутили на себе влияние античных традиций, то роль христианства весьма значима, поскольку в V в. его влияние увеличивается по мере постепенного инкорпорирования новой религии в языческий в своей основе быт. Главный вопрос, касающийся любого аспекта общественной жизни того периода, в том числе и исследуемого нами, насколько глубоко проникает христианство в повседневную жизнь?

Говоря об интересующих нас ритуалах, необходимо отметить, что, если имперское законодательство предусматривало денежное взыскание за отказ от помолвки⁵, эффективная мера, повышающая ответственность за принятое решение (тем более, что брак подразумевал приданое за невестой и, в конечном итоге, слияние богатств двух семейств), то христианские священники отвечали исключительно за моральную сторону помолвки, т.е. в данном случае их роль была, преимущественно, неформальной, хотя и оказывала серьезное влияние на некоторых индивидов. Яркой иллюстрацией в этом смысле может служить случай со Св. Макриной, которая настолько серьезно отнеслась к помолвке, что после смерти своего нареченного объявила себя вдовой и отказалась принять предложение другого мужчины (Greg. Nyss. Vita Macr. 4-5).

Официальную, публичную роль церковь играла только непосредственно на свадебной церемонии. Даже если брак еще не был таинством в его более позднем понимании, различные факторы помогали повысить моральный авторитет священника среди стремящихся связать себя брачными узами: христианизация древнего языческого ритуала, благословение и, позже, сама брачная месса (засвидетельствованная впервые в Риме в 432/40 г. (Leo. Ep. 167. 4)). *Concordia promuba*, богиня традиционно вызываемая для обеспечения гармонии в паре, была заменена *Iesus promubus* (Paul. Nol. Carm. 25. 151). Христианизация обручения и свадьбы, возможно, также оказали влияние на брак в плане дальнейшего поведения пары, ориентированного на соблюдение христианской морали, и вовлечения в общину верующих, чувства которых могли, в свою очередь, оказывать давление на молодых⁶.

С этой точки зрения, несомненный интерес вызывают свидетельства представителей христианского клира позднеримского периода, каковым, безусловно, являлся епископ Клермона Сидоний Аполлинарий, во многом следовавший классической модели поведения римской аристократии. Среди сочинений Сидония существует несколько посланий, так или иначе, касающихся разного рода свадебных прецедентов (I.5; IV.20; V.19; VII.2; IX.6), а также два эпиталямия (Carm. 10-11 et 14-15). Здесь мы остановимся, в основном, на двух источниках (I.5, IV.20), в которых дается картина праздничной процессии, сопровождающей брачные торжества. Сразу заметим, что в противовес нашему предшествующему тезису о христианских «нововведениях» в церемонии оформления семейного союза мужчины и женщины в обозначенных документах нет никаких указаний

¹ Торжественно обязаться, клятвенно обещать, ручаться, гарантировать.

² В русском переводе «Пунийца» А. Артюшкова: «По рукам?», «По рукам!» (Тит Макций Плавт. Комедии. В 3 т. / Пер. А. Артюшкова. (Серия «Памятники античной литературы»). М., 1997. Т. 3. 464 стр. (переизд.). URL: http://az.lib.ru/p/plawt/text_0180.shtml (31.08.2016).

³ Hersh K. K. The Roman Wedding, Ritual and Meaning in Antiquity. Cambridge, 2010. P. 40.

⁴ Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford and New York, 1991. P. 147-153; Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург, 2008. С. 124-125.

⁵ Giardina A. The Family in the Late Roman World // The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 / Ed. by Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2008. P. 400.

⁶ Ibid. P. 401.

на участие Церкви в данных событиях, что, безусловно, свидетельствует об еще недостаточно широком распространении христианских обрядов в позднеримской аристократической среде.

В письме I.5, датированном 467-м г., мы встречаемся с описанием свадебного обряда с его традиционными участниками, одеянием, ритуальными возгласами: «...мой приезд случайно совпал со свадьбой патриция Рицимера с дочерью Августа в надежде на безопасные для государства времена. Не отдельные люди, но целые классы и партии предавались тому веселью, что так несвойственно вашему сонному спокойствию по ту сторону Альп. В то время как я пишу эти строки, театры, рынки, претории, форумы, храмы, или гимназии оглашаются криками «Талассий!» (*Talassio!*). Школы закрыты, не совершаются сделки, суды безмолвны, дела отложены; в тайных происках - передышка, и, кажется, что все серьезные предприятия перенесены на театральную сцену. Хотя невеста уже была отдана, хотя жених уже отложил свой венок, а консул его окаймленную вышитыми пальмовыми ветвями тогу, а «подружка невесты» (*pronuba*) ее свадебное платье, а простой человек его плащ, шум огромного собрания народа еще не угас в дворцовых палатах, потому что невеста еще не вошла в дом мужа...» (I.5, 10-11. Здесь и далее перевод автора)¹.

Помимо указания на масштабность данного мероприятия, учитывающая статус супругов, мы узнаем, по крайней мере, о нескольких обязательных элементах свадебной процессии – воззвания к Талассию, участие пронубы и некоторые сведения об одежде и атрибутике.

Призывы к Талассию (*Talassio!*), которые начинали звучать в тот момент, когда невеста входила в свой новый дом, безусловно, можно расценивать как пожелания счастья молодой семье. Не совсем ясна этимология данного слова, предположительно, Талассий являлся другом Ромула и участвовал в похищении сабинянок (Livy 1.9.11). Этот персонаж упоминается также Плутархом (Plut. Rom. 15, Romp. 4.) и Сервием, римским грамматиком конца IV в., автором комментариев к «Буколикам», «Георгикам» и «Энеиде» Вергилия. Сервий считает, что, поскольку брак Талассия был счастливым, римляне призывают его на своих свадьбах также, как греки обращались к Гименею, во всяком случае, оба этих имени символизируют потерю невинности и чистоты вследствие брака (Serv. Aen. 1.651).

В оригинале фраза из письма Сидония, содержащая имя Талассия, выглядит так: «*Thalassio Fescenninus explicaretur*», т.е. это были не просто воззвания к Талассию, но и декламация фесценнин, что влечет за собой необходимость дополнительных пояснений.

Фесценнины или Фесценнинские песни – образчик древнеримской деревенской шуточной поэзии достаточно фривольного содержания, популярной в народе (особенно на свадьбах) и проникшей постепенно и в городскую среду. Этимология слова «*Fescennina*» толковалась как производное от названия города Фесценния (*Fescennia*) в Этрурии, но Фесценния была, в первую очередь, не этрусским, а фалисийским городом², а, значит, появление данного обычая связано с традициями, распространенными в этой местности (по большей части, здесь имеются в виду ритуальные действия, гарантирующие изобилие и плодородие)³. Так, Фест пытается вывести значение слова «*fescennina*» из «*fascinum*» (околдовывание, наговор, фаллический амулет (*phallus*)), что в равной степени символизирует защиту от порчи и колдовства и плодородие (Fest. 76L). К. Херш считает этимологию Феста неверной на основании того, что, например, Гораций и Плиний Старший связывают фесценнины исключительно с урожаем и плодородием (хотя, нам кажется, одно не противоречит другому) и, несмотря на то, что некоторые стихи имели сексуальный подтекст, преимущественно в них ограничивались благопристойными пожеланиями плодородия⁴.

Упоминаемая Сидонием *pronuba* также должна была выступать гарантом счастливого брака. Она условно может быть названа подружкой невесты: ее функции заключались в том, чтобы подвести невесту к жениху и соединить их руки. При этом, на роль пронубы подходила далеко не всякая, это могла быть только «замужняя женщина (состоящая в браке единожды и с ныне здравствующим супругом)», сообщает Исидор Севильский. Интересно, что здесь же Исидор упоминает о том, что *pronuba* – это то же самое, что и греческое *paranymphe*, что переводится как «друзья невесты» (Isid. Etym. 9.7.8–9). Помимо прочего, пронуба должна быть облачена в кикладу (*cyclas*) – широкое белое женское платье, доходившее до пят и с вырезными рукавами⁵.

Еще одним интересным свадебным атрибутом, упоминаемым автором в данном фрагменте письма, является венок жениха (*coronam sponsus*). Свидетельств античных авторов о ношении цветочного венца во время свадебной церемонии не так уж много, и все они солидарны в том, что

¹ М.М. Стасюлевич в своей хрестоматии «История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.)» дает следующий перевод интересующего нас отрывка: «Во время моего приезда праздновалась свадьба патриция Рицимера с дочерью Августа (Антемия), соединенных ввиду общественного спокойствия. <...> В эту минуту, когда я пишу тебе эти строки, везде наклеивают эпиталамии (брачные оды), на всех театрах, рынках, присутственных местах, площадях и на стенах храмов и гимназий. Классы в учебных заведениях закрыты, дела прекращены, суды умолкли, депутации отложены, и всякое важное предприятие должно уступить место фарсам и комедиям...» (Sid. I.5, 10) (История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). М., 2001 (репр. изд.). С. 64.

² Фалиски (лат. Falisci) – древний италийский народ, живший на севере Лация.

³ Schmitz L. Fescennina // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities by W. Smith. London, 1875. P. 530.

⁴ Hersch K. K. Op. cit. P. 153. Подробнее об этом см.: Hersch K. K. Fescennini Versus // Op. cit. Pp. 151–156.

⁵ У Сидония «*cycladem pronuba*».

венки украшали именно голову новобрачного. Так, у Плавта и Апулея женихи - в венках, хотя и, также как у Сидония, нет упоминаний о том, из какого материала они сделаны (Pl. Cas. 767–768; Apul. Met. 4.27). В эпиталамии Стация боги снабжают жениха венком и здесь поэт говорит уже о конкретных цветах – розах, фиалках и лилиях (Stat. Silv. 1.2). О венке невесты сообщает нам только Фест: «...под подвенечной фатой (*flammeum*) на невесте был венок (*corolla*) из цветов и трав, собранных ею...» (Fest. 56L).

Вполне очевидно, что традиция ношения венков на свадьбе непосредственно связана с сельскохозяйственными культами и плодородием¹. В этом смысле представляет интерес интерпретация К. Херш, которая считает, что использование цветочных венков придавало церемонии привлекательности с эстетической точки зрения, что отличало этот праздничный день от череды обычных, не требовало лишних затрат, и, учитывая недолговечность цветов, напоминало о преходящем характере статуса жениха и невесты².

Второе из интересующих нас посланий, полный перевод которого приводится ниже (IV, 20), датируется 470-м г. и адресовано одному из многочисленных друзей Сидония – некоему Домницию – представителю аристократических кругов Лиона (одному из «*civium primi*»), описываемому Сидонием человеком в высшей степени достойным и приятным («*homo gratiae summae, summi leporis*») и называемому им братом («*frater meus*») (Ep. V. 17, 6)³. Письмо посвящено довольно подробному описанию помолвки Сигизмера - князя франкского или бургундского, бывшего в Лион на свадебную (или, скорее, помолвочную) церемонию⁴.

Возможной кандидатурой на роль будущей супруги Сигизмера называется дочь бургундского князя Хильперика⁵. Одежда и вооружение молодого князя и его спутников, описанные Сидонием, в равной степени могут быть ассоциированы как с франкским, так и с бургундским стилями. Представленная Сидонием картина не раз становилась предметом пристального внимания зарубежных исследователей⁶, мнения которых примерно в равной степени поддерживают либо франкское, либо бургундское происхождение Сигизмера, поэтому сделать более определенные выводы пока не представляется возможным. Нам же данный документ интересен в связи с некоторыми аспектами позднеримского брачного ритуала.

Далее приводится текст послания:

«Моему другу Домницию (470 г.)

[1] Ты испытываешь такое удовольствие при виде оружия и тех, кто его носит, что я могу представить твоё восхищение, если бы ты видел молодого князя Сигизмера на пути во дворец его тестя в качестве жениха или просителя <руки его дочери> (*sponsum*) во всем великолепии и пышности варварского стиля. Его конь с фаларами⁷, другие кони, нагруженные сверкающими драгоценностями, шагают впереди и позади него; но заметный интерес <толпы> к процессии сосредоточился на самом князе, на том, с какой очаровательной скромностью он шел, окруженный его сопровождающими, одетый в огненно-красную тогу, отливающую багряно-золотым, и шелковую тунику молочно-белого цвета, со светлыми волосами и румяной кожей в тон одеянию.

[2] Но вожди и союзники, сопровождающие его, выглядели настороженными даже в этой мирной обстановке. Их кожаная обувь полностью закрывала ступни и крепилась на лодыжках, голени и колени были открыты. Кроме коротких туник различного цвета, под горло, едва доходящих до коленей, с рукавами, закрывающими только плечи, на них были надеты зеленые плащи, окаймленные красными полосами и закрепленные фибулами; перевязи, спускающиеся с плеч, поддерживали мечи.

[3] Оружие составляло немалую часть их экипировки; правой рукой они сжимали зазубренные копья и метательные топоры; слева же их прикрывали щиты, на которых золотом сверкали умбоны (*umbonibus*) в центре и снежно-белым - края, демонстрируя их богатство и хороший вкус. Несмотря на то, что дело касалось свадьбы, Марс в этой церемонии был ничуть не менее заметной фигурой, чем Венера. Но к чему говорить больше? Чтобы всецело насладиться столь прекрасным зрелищем необходимо твоё личное присутствие. Потому что, когда я увидел, что ты про-

¹ См., например: La Follette L., Wallace R. Latin Seni Crines and the Hair Style of Roman Brides // Syllecta Classica. 4. 1993. P. 43–48.

² Hersch K. K. Op. cit. P. 92.

³ Martindale J.R. et al. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge, 1980. P. 372.

⁴ Ibid. P. 1008. О Сигизмере подробно: Rummel Ph. von. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin, New York, 2007. S. 174.

⁵ Schmidt L. Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts (= Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Abt. 2, Bd. 3). Oldenbourg, München, 1909. S. 38.

⁶ Anderson W.B. Sidonius. Vol. I: Poems and Letters. Cambridge, 1936 (reprinted 1980). P. LX and n.1 (comm.); Thompson E. A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison, Wisconsin, 1982. 329 p.; Корсунский А.П., Гюнтер Р. Падение Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., 1984. 328 с.; Kaufmann F.M. Studien Zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main, 1995. 398 S.; Harries J. Sidonius Apollinaris and the Fall of Rome, A.D. 407–485. Oxford, 1994. 292 p.; Amherdt D. Sidoine Apollinaire, Le quatrième livre de la correspondance: Introduction et commentaire. Bern, 2001. 589 p. et al.

⁷ *Equus phaleris* - металлические бляхи на груди и на лбу лошадей.

пустил то, что любишь наблюдать, мне захотелось, чтобы ты был рядом со мной со всем нетерпением твоей страждущей души. Прощай».

В данном послании нас, прежде всего, интересует портрет жениха, который, согласно описанию Сидония, может показаться не слишком мужественным: он скромен, розовощек и богато одет. Почти в таких же выражениях часто дается и портрет невесты. Однако, здесь необходимо учитывать некоторые моменты. Во-первых, человек с румяной или розовой кожей – признаком здоровья и красоты во времена классической античности – соответствовал и нормам красоты позднеантичного периода (Ср. например, у Плиния Мл.: «Сам Ацилиан очень энергичен и деятелен, и в то же время чрезвычайно скромен <...> У него благородное румяное лицо, и он часто краснеет; врожденная красота во всей фигуре и осанка сенатора» (Plin. Sec. Epist. I. 14, 7)¹. Во-вторых, описания жениха и невесты совпадают, чаще всего, когда речь идет о желании автора подчеркнуть их молодость и красоту. В-третьих, большинством античных литераторов поддерживалась тенденция подачи образа жениха и невесты в схожих выражениях. Кроме того, изображение жениха в общих чертах должно было соответствовать вергилиевскому Энею, по крайней мере, таковы правила составления свадебного центона или эпиталамиев².

У римлян не было особых ритуальных одежд для жениха на свадебной церемонии, какими для невесты являлись туника белого цвета (*tunica recta*) и огненно-красная фата (*flammeum*). Учитывая данное обстоятельство, жених ничем не выделялся бы среди мужчин – участников свадебной процессии, если бы не упомянутый нами выше цветочный венок и белоснежная тога (См., например, Pl. Cas. 446, 767–768; Apul. Met. 4.27). В подобных тонах, хотя и не упоминая венка, Сидоний рисует нам образ Сигизмера в ярко-красной тоге (*flammeus coccus*) и тунике молочно-белого цвета (*lacteus serico*), приближая, тем самым, портрет молодого варвара к изображению типичного римлянина. Это позволяет предполагать, что и варварские помолвки/свадьбы в позднеантичной Галлии проходили по римскому образцу.

В данном письме акцент сделан его автором, по большей части, на детальном описании внешнего вида варварской процессии, нежели на самом обряде, но здесь есть еще один момент, не слишком примечательный, если бы речь шла о классической античности, и важный для позднеантичного времени – упоминание Венеры как центрального божества свадебного обряда.

Венера хорошо известна нам как по своей роли покровительницы любых романтических отношений (даже незаконной любовной связи)³, ее функциям Венеры-прародительницы (*Venus Genetrix*) или победоносницы (*Victrix*), так и в качестве богини, оберегающей любовь в браке⁴.

Замужние женщины почитали Венеру под именем Вертикордия (*Verticordia*)⁵. В 114 г. до н. э. три римские весталки были приговорены к смерти за связь с римскими всадниками в нарушение сурового закона, требовавшего от них девственности. Чтобы загладить их вину, Венере Вертикордии был посвящен занавес в надежде, что она обратит сердца женщин и девушек от безнравственности к непорочности⁶.

Интересно, что среди весьма внушительного количества свидетельств римских авторов о тех или иных аспектах свадебного ритуала, не встречается прямых указаний на роль Венеры как покровительницы невест и о жертвоприношениях ей в этом качестве. Только в «Сатирах» Персия, римского поэта I в. н.э., есть упоминание о том, что именно Венере юные невесты отдавали свои детские игрушки (Pers. 2.70).

В эпиталамий Стелле и Виолентилле, написанном Стацием в I в. н.э. (Silv. I. 2), поэт отводит главную роль в свадебном ритуале Венере и ее сыну Купидону. Как считает К. Херш, традиция тесной связи Венеры с брачными торжествами укоренилась именно благодаря Стацию, который оказал серьезное литературное влияние на многих последующих авторов – Марциала, Клавдиана, Сидония – тогда как в реальности роль этой богини в обряде была не слишком велика⁷.

Так, известно, что среди стихотворений Сидония есть два эпиталамий (Epith. Rur. et Iber. (Carm. 10-11); Epith. Pol. et Agan. (Carm. 14-15)), в первом из которых Венера соединяет руки брачующихся (11. 129-130), а в стихотворном послании сенатору Катуллину Сидоний называет Венеру центральным персонажем уже упомянутых нами фесценнинских песен (Sid. Carm. 12.2). У африканского поэта Драконция, современника Сидония, Венера и вовсе предстает перед читателем управительницей свадьбы (Drac. Rom. Epith. Ioann. et Vit. 140).

¹ Пер. М.Е. Сергеевко (Цит. по «Письма Плиния Младшего. Панегирик Траяну» (Серия «Литературные памятники») / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура и В.С. Соколова. М., 1982. 407 с.). URL: <http://krotov.info/acts/02/01/pliniy.html> (28.08.2016).

² Подробнее об этом см.: Descriptio egredientis sponsi (vv. 45–56) // De Inconexis Continuum: A Study of the Late Antique Latin Wedding Centos / Ehrling S. Göteborg, 2011. P. 155–156.

³ Богиня считалась стражем честных браков, и в этом качестве ей поклонялись *matronae* (матери семейств). С другой стороны, она была богиней *meretrices* (женщин облегченного поведения). Цит. по: Kiefer O. Sexual Life in Ancient Rome. London, New York, 2009. P. 125.

⁴ О многочисленных эпитетах и разных аспектах культа Венеры см., например, Lloyd-Morgan G. Roman Venus: public worship and private rites // Pagan Gods and Shrines of the Roman Empire / Henig M., King A. (eds.). Oxford, 1986. P. 179–188.

⁵ Венера, обращающая сердца (от страстей к целомудрию, от похоти к верности супругу) (Ovid. Fast. 4. 155–162).

⁶ Kiefer O. Op. cit. P. 125.

⁷ Hersch K. K. Op. cit. P. 265.

В других посланиях Сидония, которые были обозначены выше, речь идет о разного рода обстоятельствах, благоволящих или препятствующих свадьбе, но сведений, связанных с описанием свадебной атрибутики или составляющих ритуала, не приводится.

Подводя итоги нашего исследования, заметим, что представленные христианским епископом Сидонием аспекты брачного ритуала демонстрируют нам вполне сохранившуюся языческую традицию празднования помолвки или женитьбы во второй половине V в. В качестве таковых мы отмечаем призывы к Талассию в контексте распевания фесценнинских песен, участие пронубы и ее традиционное одеяние, цветочный венок жениха и его символическое значение, одежду и внешний облик жениха, и роль Венеры в свадебном обряде. Параллели, проведенные между источниками V века и свидетельствами раннеимперского периода, подтверждают наши умозаключения. Таким образом, судя по письмам галло-римского аристократа, элементы христианского культа еще не просматриваются в свадебном обряде, по крайней мере, в среде представителей позднеантичного нобилитета Галлии.

Библиография

- Грималь П. Цивилизация Древнего Рима. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
- Корсунский А.Р., Гюнтер Р. Падение Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М: МГУ, 1984.
- Письма Плиния Младшего. Панегирик Траяну (Серия «Литературные памятники») / Пер. М.Е. Сергеевко, А.И. Доватура и В.С. Соколова. М.: Наука, 1982. 407 с. (2-е изд.). URL: <http://krotov.info/acts/02/01/plinyi.html> (28.08.2016).
- Стасюлевич М.М. История Средних веков: от падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2001 (репр. изд.).
- Тит Макций Плавт. Комедии. В 3 т. / Пер. А. Аргюшкова. (Серия «Памятники античной литературы»). М.: Terra, 1997. Т. 3. 464 с. (переизд.). URL: http://az.lib.ru/p/plawt/text_0180.shtml (31.08.2016).
- Amherdt D. Sidoine Apollinaire, Le quatrième livre de la correspondance: Introduction et commentaire. Bern: Peter Lang, 2001.
- Anderson W.B. Sidonius. Vol. I: Poems and Letters. Loeb Classical Library. Cambridge, 1936 (reprinted 1980). P. LX and n.1 (comm.).
- Ehrling S. Descriptio egredientis sponsi (vv. 45-56) // De Inconexis Continuum: A Study of the Late Antique Latin Wedding Centos. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2011.
- Giardina A. The Family in the Late Roman World // The Cambridge Ancient History. Vol. XIV. Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 / Ed. by Av. Cameron, B. Ward-Perkins, M. Whitby. Cambridge, 2008. P. 400.
- Harries J. Sidonius Apollinarius and the Fall of Rome, A.D. 407-485. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Hersch K. K. The Roman Wedding. Ritual and Meaning in Antiquity. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010. P. 40.
- Kaufmann F. M. Studien Zu Sidonius Apollinaris. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1995.
- Kiefer O. Sexual Life in Ancient Rome. London, New York: Routledge, 2009.
- La Follette L., Wallace R. Latin Seni Crines and the Hair Style of Roman Brides // Syllecta Classica. 4. 1993. P. 43-48.
- Lloyd-Morgan G. Roman Venus: public worship and private rites // Pagan Gods and Shrines of the Roman Empire / Henig M. and King A. (eds.). Oxford: Oxford Committee for Archaeology, 1986.
- Martindale J.R. et al. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395-527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.
- Treggiari S. Roman Marriage: Iusti Coniuges from the Time of Cicero to the Time of Ulpian. Oxford and New York: Clarendon Press; Oxford University Press, 1991.
- Rummel Ph. von. Habitus barbarus: Kleidung und Repräsentation spätantiker Eliten im 4. und 5. Jahrhundert. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007.
- Schmidt L. Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts (= Handbuch der mittelalterlichen und neueren Geschichte. Abt. 2, Bd. 3). München-Berlin, Oldenbourg: Verlag: Oldenbourg München, 1909.
- Schmitz L. Fescennina // A Dictionary of Greek and Roman Antiquities by W. Smith. London: John Murray, 1875.
- Thompson E. A. Romans and Barbarians: The Decline of the Western Empire. Madison, Wisconsin: University of Wisconsin Press, 1982.

References

- Grimal P. Tsivilizatsija Drevnego Rima. Yekaterinburg: U-Faktorija, 2008.
- Korsunskij A.R., Gunter R. Padenije Zapadnoj Rimskoj imperii i vosnikovenije germanskih korolevstv. M: MGU, 1984.
- Pis'ma Plinija Mladshego. Panegirik Trajanu (Serija «Literaturnije pamjatniki») / Per. M.E. Sergejenko, A.I. Dovatura i V.S. Sokolova. M.: Nauka, 1982. 407 s. (2-je izd.). URL: <http://krotov.info/acts/02/01/plinyi.html> (28.08.2016).
- Stasulevich M.M. Istorija Srednih vekov: ot padenija Zapadnoj Rimskoj imperii do Karla Velikogo (476–768 gg.). 3-je izd., ispr. i dop. M.: AST; SPb: Poligon, 2001 (repr. izd.).
- Tit Maksij Plavt. Komedii. V 3 t. / Per. A. Artjushkova (Serija «Pamjatniki antichnoj literaturi»). M.: Terra, 1997. T. 3. 464 s. (pereizd.). URL: http://az.lib.ru/p/plawt/text_0180.shtml (31.08.2016).